

DOI 10.35775/PSI.2026.126.2.010

УДК 32

Н.А. ОСТРОУШКО

кандидат философских наук, доцент,
ЧОУ ВО «Балтийский Гуманитарный Институт»,
Россия, г. Санкт-Петербург

ПЛАНИРОВАНИЕ ДИСКУРСА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Лингвистика – классическая фундаментальная, а также современная многогранная наука, которая стала исследовать и область политического языка. Политическая лингвистика занимается планированием политического дискурса, что необходимо не только политикам, но и всему обществу для эффективного общения с государственной властью.

Представленная статья посвящена особенностям планирования речевых актов и речевого воздействия в публичной политике, имеющей свои традиции и правила. Такие речевые акты образуют политический дискурс в качестве совокупности дискурсивных практик различных политиков в ходе их публичной коммуникации. Эта статья будет весьма интересна и полезна как политикам, так и широкому кругу читателей.

У данного автора есть и другие лингвистические исследования в области теории речевого воздействия (или прагмалингвистики) в качестве науки. Автор анализировал некоторые политические рекламные тексты эффективных политиков, особенности рекламного подстиля в рамках функционально-речевой разновидности публицистического стиля, рекламы как жанра в ходе предвыборного дискурса, или предвыборной коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политический язык, политическая лингвистика, политический дискурс, дискурсивные практики, речевое воздействие, рекламные тексты.

В данной работе мы понимаем под **дискурсом** один из параметров планирования акта целенаправленного речевого воздействия. То, что мы обращаемся к планированию элементов дискурса в рамках нашей статьи, объясняется спецификой текстового элемента целенаправленного речевого акта, социально-прагматическая интерпретация которого складывается из интерпретации ситуативного контекста и прагматической интерпретации самого высказывания. Кроме того, дискурс предполагает специфический характер интерпретации, связанный с логико-лингвистической деятельностью.

Рассмотрим, каковы те явления в рамках осуществляемого (планируемого) целенаправленного речевого акта, представляющие собой **собственно дискурсивные элементы**. Это прежде всего **звуки** определенным образом артикулированной **устной речи** или представленная с помощью соответствующего

материального носителя **письменная речь**. Помимо этого, мы относим к данным явлениям так называемую **паралингвистическую деятельность** (мимика, жесты и др.), которая часто сопровождает производство устной речи, тесно связана с этим производством и анализируется в рамках лингвистики. Здесь же мы хотим рассмотреть и языковое окружение планируемого высказывания, создающее некий контекст для планируемого текста, который можно было бы назвать **контекстом подачи**. Примерами такого контекста подачи могут служить различные печатные материалы в газете, в окружении которых определенным образом размещается планируемое сообщение, передачи радио или телевидения, предшествующие и последующие по отношению к планируемой теле- и радиопередаче и т.д.

Дискурсивными элементами (как, впрочем, и значимыми в процессе интерпретации высказывания единицами) являются **слова, предложения, абзацы** и другие лингвистические единицы. Используя правила семантики и синтаксиса языковых единиц, коммуникатор в состоянии кодировать в тексте (а интерпретатор посредством декодирования в состоянии извлекать из него) некоторую информацию. Лингвистические единицы и нормы позволяют кодировать мысли, интенции, эмоции коммуникатора. Textoобразующие возможности, свойства и функции лингвистических объектов являются, безусловно, интересным и вполне самостоятельным предметом исследования, находящимся в компетенции лингвистики [15-20].

Обращаясь к планированию дискурса, текста как конкретного явления в рамках конкретной коммуникативной ситуации, необходимо отметить следующее обстоятельство. Дело в том, что при планировании текста для какой-либо коммуникативной ситуации коммуникатор, как правило, может получить значительное количество **вариантов текста**, которые, различаясь как лингвистические явления, тем не менее оказываются «синонимичными», одинаково подходящими для достижения цели коммуникатора в данном конкретном случае. Руководствуясь этим обстоятельством, мы сконцентрируем свое внимание на наиболее значимых ориентациях и приемах планирования дискурса в целенаправленном речевом акте.

При планировании дискурса коммуникатор должен прежде всего **ориентироваться на взятый за основание модели речевого акта социальный фрейм**. С фреймом оказываются так или иначе достаточно тесно связанными некоторые лингвистические элементы дискурса. К одним из таких элементов можно причислить, например, **жанр**. Однако в этом отношении мы считаем, что при ориентации в процессе планирования речевого акта на фрейм собственная предметная специфика целей коммуникатора становится основанием для выбора самого фрейма.

Так как ориентация на прагматическую интерпретацию лингвистического произведения предполагает достижение адресатом требуемой версии понимания, то в процессе планирования текста сообщения коммуникатору необходимо учитывать следующее. Во-первых, целесообразной оказывается **ориентация на простое и однозначное построение текста** (что имеет значение для случаев

длинных связных текстов сообщений) **посредством логико-лингвистической процедуры сворачивания его пропозиций** [3; 6-8]. В связи с данной ориентацией коммуникатор, учитывая уровень языковой компетенции адресата, осуществляет выбор лексических единиц и синтаксических конструкций. Как правило, для такой ориентации характерна тенденция к использованию слов, употребляемых в традиционных лексических значениях, наиболее распространенных слов и выражений, простых синтаксических конструкций.

Во-вторых, важно осуществлять **ориентацию на продуцирование коммуникатором некоторой модели реферируемой текстом предметности**. Продуцируя текст, коммуникатор исходит из определенной предметной модели, определенной концептуальной схемы пресуппозиционного характера. Релевантная его презумпция интерпретация, т.е. требуемая версия интерпретации, с точки зрения которой речевой акт рассматривается им как действенный, предполагает создание схожей предметной модели текста, использование схожих пресуппозиционных знаний. В этом отношении коммуникатору целесообразно учитывать возможности адресата в использовании основополагающих для модели знаний, возможности создания некоторой модели текста. В данном случае наиболее общей оказывается тенденция обращения к традиционным и распространенным моделям, к социальным фреймам общего или частного характера. В отдельных случаях целесообразным становится специальное маркирование используемых моделей (скажем, научного характера) или введение специальных информационных комментариев (например, предваряющих изложение сути дела в разговоре), позволяющих создание требуемой модели (ситуации, реферируемой в тексте основного сообщения) в соответствующей полноте.

Кроме указанных основных общих ориентаций при планировании дискурса существуют некоторые другие частные приемы и ориентации, учет которых вполне оправдан.

Так, в психолингвистике давно обратили внимание на то обстоятельство, что свойства естественного языка вынуждают пользователя осуществлять определенное структурирование высказывания, принятие необходимой точки зрения через свое собственное пользование языком. Скажем, Р. Блакар формулирует это положение в виде следующего парадоксального утверждения: мы выбираем высказывания таким образом, что они порождают тот контекст, в котором мы хотели бы видеть эти высказывания [4]. В качестве иллюстрации Р. Блакар приводит пример, ставший уже классическим. Допустим, что несколько друзей пьют в компании. Ровно половина содержимого бутылки выпита. Практически одновременно двое из друзей замечают:

Питер. Бутылка наполовину пустая.

Джон. Бутылка наполовину полная.

Оба правы. В отношении экстенциональной референции оба высказывания синонимичны. Однако, по-видимому, эти выражения по-разному воздействуют на ситуацию. Это становится более очевидным, если их немного распространить:

Питер. Бутылка уже наполовину пустая.

Джон. Бутылка все еще наполовину полная.

Питер с его выбором высказывания может привести в уныние самую веселую компанию, тогда как Джон может оживить празднество [4. С. 89].

В реальности, когда мы говорим, нам всегда приходится осознанно или неосознанно выбирать один и только один вариант высказывания, принимать одну точку зрения и делегировать ее. Осознанное осуществление данного выбора может быть весьма полезным при прагматическом текстообразовании, а потому учитывать данное обстоятельство в процессе планирования целенаправленных речевых актов важно в целом ряде случаев.

Непосредственное использование данной закономерности оказывается значимым, например, в тех случаях прагматического текстообразования, когда целью коммуникатора является создание у адресата определенной конкретной точки зрения на некоторый предмет, событие, некоторое положение дел. Для того, чтобы индуцировать соответствующий контекст у адресата, сформировать у него определенную точку зрения на некоторое положение дел, коммуникатор имеет целый **арсенал средств и приемов речевого воздействия**. Это выбор грамматической формы слова, выбор слов и выражений, установление их последовательности, создание новых (но понятных) слов и выражений и некоторые другие речевые средства и приемы. Наиболее яркими примерами этого проявления может служить использование в прессе (прежде всего в политических новостях, которые носят явно тенденциозный характер) в качестве синонимов таких слов, как «**демонстранты**», «**толпа**», «**хулиганы**» или «**военные**», «**хунта**», «**фашисты**». Если употребление в качестве синонимов слов «**демонстранты**» – «**хулиганы**» предполагает определенную оценку и прескрипцию, то употребление в качестве синонимов пары «**демонстранты**» – «**толпа**» уже не столь очевидно прескриптивно. Сдержанные и утонченные политинформаторы предпочитают преподносить материал в беспристрастно-дескриптивной форме, которая в наибольшей степени соответствует стилю фактического описания. Но при этом события и лица, причастные к ним, находятся в столь определенных отношениях, настолько удачно подобранными оказываются употребляемые этими лицами слова и выражения (фиксирующие мельчайшие оттенки смысла), что даже не искушенный в искусстве рассуждения читатель без труда находит релевантный контекст и приходит к ожидаемому выводу относительно описываемых в тексте событий.

Однако, как нам представляется, закономерность, связанная с «властью» языка, может быть плодотворно использована (и, по-видимому, используется) в процессе планирования и реализации целенаправленных речевых актов и по-другому. Действительно, ведь можно предположить обратную ситуацию, а именно: коммуникатор ориентируется при выборе варианта языкового выражения не на желаемый для себя контекст высказывания, а на контекст, в котором, по его мнению, желал бы (или, наоборот, не желал бы) видеть это высказывание адресат. Учет данного обстоятельства целесообразен как при планировании непосредственно в целевом отношении значимых речевых актов, так и при планировании подготовительных речевых актов или в речевых актах,

предшествующих планируемому. Если учитывать указанное обстоятельство при планировании непосредственно акта целенаправленного речевого воздействия, то оно конкретизирует уже описанную нами ориентацию на «внутренний» контекст адресата (пресуппозиционную концептуальную схему, приверженность адресата к определенным моделям, знаниям, идеалам, предпочтениям, потребностям, наконец, чувствам) на уровне выбора языковых средств. Использование этого приема в подготовительных речевых актах может иметь целью создание определенного психологического фона (расположенность адресата к коммуникатору или, наоборот, неприятие его и т.д.).

Поясним сказанное примером. Допустим, что коммуникатор описывает ситуацию драки двух мальчиков. Предположим, что Паша толкнул Васю в плечо. Вася ударил Пашу кулаком по лицу. Паша упал и заплакал. По-видимому, коммуникатор в состоянии по-разному описать эту ситуацию. Возможны, скажем, следующие выражения: «**Вася избил Пашу**», «**Вася дал отпор этому верзиле**», «**Вася победил Пашу**», «**Этот хулиган ударил Пашу**». Пусть далее адресат, которому коммуникатор описывает случившееся, является отцом (или матерью) Васи. Нетрудно предположить, какие выражения выберет коммуникатор, если он, например, собирается просить адресата о важном для него одолжении. Также несложно предположить, каким образом лучше описать ситуацию, если коммуникатор имеет основания расстроить или разозлить адресата.

Наконец, последняя ориентация при планировании текста, на которой мы хотели бы остановиться, - это ориентация на **контекст подачи сообщения**, т.е. на существование сообщения в рамках иного, сопутствующего, информационного материала. Учет этого обстоятельства возможен и целесообразен отнюдь не для всех ситуаций коммуникативного контакта. В основном данное обстоятельство имеет значение, вероятно, при использовании в качестве коммуникативного канала средств массовой информации. Так, например, помещая сообщение в газету, важно учитывать, где оно будет расположено. Расположение сообщения на первой газетной полосе подчеркивает его социальную значимость и привлекает к нему повышенное внимание читателей. Расположение сообщения рядом с другими сообщениями, позволяющими получить позитивные с точки зрения целей коммуникатора контекстные эффекты, также считается удачным. Значимость сообщения и привлечение к нему внимания повышается благодаря крупным и броским шрифтам, звучности заголовка и т.д. Аналогичным образом влияет на восприятие сообщения его контекст подачи при использовании в качестве канала коммуникативного воздействия радио или телевидения, что, безусловно, надо иметь в виду в процессе планирования сообщения.

Таким образом, коммуникатор при письменной коммуникации имеет полную возможность предварительно в деталях планировать текст как конкретное языковое явление, которое и будет делегировано адресату и предстанет именно таковым в ситуации коммуникативного взаимодействия. Нетрудно заметить, что это прерогатива не только письменной коммуникации. Аналогично дискурсивные элементы целенаправленного речевого акта планируются в разных коммуникативных ситуациях. К таким коммуникативным ситуациям относится,

например, политическая реклама в газете. Поскольку политическая реклама является объектом дальнейшего нашего исследования, обратимся к проблеме изучения политического языка.

Изучение политического языка было инициировано по крайней мере тремя факторами. Во-первых, внутренними потребностями лингвистической теории, которая в разные периоды истории лингвистики обращалась к реальным сферам функционирования языковой системы. Во-вторых, чисто политологическими потребностями в изучении политического мышления, его связями с политическим поведением, необходимостью построения предсказывающих моделей в политологии, а также в разработке методов анализа политических текстов и текстов СМИ для мониторинга различных тенденций в сфере общественного сознания. И, наконец, социальным заказом – малорезультативными попытками мыслящей части общества освободить политическую коммуникацию от манипуляций политиков, обманывающих народ. Последний фактор одновременно стимулировал становление **теории речевого воздействия**, которая, однако, лишь частично пересекается с проблематикой политической лингвистики.

Политическая лингвистика является одним из основных исследовательских направлений современного языкознания. Это область исследования носит ярко выраженный междисциплинарный характер: в ней интегрируются достижения социолингвистики и политологии, лингвистики текста и когнитивной лингвистики, стилистики и риторики, теории речевого воздействия и других научных дисциплин. По мнению К.Л. Хакера, дискурс-анализ в политической лингвистике позволяет установить мосты между социологическим, культурным, межличностным и когнитивным аспектами власти. Основная задача лингвистического анализа политического дискурса (Political Linguistic Discourse Analysis) – вскрыть механизм сложных взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением [24. С 51].

Политический язык и политическая коммуникация стали предметом лингвистических исследований сравнительно недавно [25]. Одним из первых, кто обратился к языку тоталитарных режимов, был не лингвист, а английский писатель Дж. Оруэлл, посвятивший этому явлению «Приложение» в своем знаменитом романе «1984» и пустивший в обиход ставший популярным термин «новояз» (Newspeak). Оруэлл предвосхитил многие лингвистические идеи, развиваемые в работах, изучающих заложенные в языке возможности

манипулировать сознанием и осуществлять социальную власть [4; 5; 21]. Исследованию политического языка советской эпохи посвящена известная монография представителя французской школы анализа дискурса П. Серио [26]. Отметим, что в отечественной лингвистике политическая перестройка спровоцировала настоящий исследовательский бум в отношении тоталитарного языка советской эпохи [10; 13; 14] и постперестроечных инноваций в русском языке конца XX века [1; 2; 9; 11].

Связь между языком и политикой проявляется, прежде всего, в том, что ни один политический режим не может существовать без коммуникации. Язык нужен политикам для того, чтобы информировать, давать указания,

проводить законодательные акты, убеждать, агитировать и т.д. Специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере: большинство политических действий по своей природе являются речевыми действиями. **Политический язык** – это особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации. Целью политической коммуникации является выработка общественного консенсуса, принятие и обоснование политических и социально-политических решений в условиях плюрализма общественных мнений, когда каждый человек является не только объектом идеологического воздействия и манипулирования, но и в какой-то мере субъектом политического действия. Здесь речь идет, с одной стороны, о возможности для общества воздействовать на политическую власть и невозможности для политической власти игнорировать мнение как большинства, так и меньшинства людей – с другой стороны.

Политический язык как специальный подъязык не является прерогативой профессиональных политиков или государственных чиновников; это ресурс, открытый для всех членов языкового сообщества, он связан со специфическим использованием общенародного языка как средства убеждения и контроля, или, иными словами, это язык, применяемый в манипулятивных целях. К сфере политического языка относится также весь спектр проблем, связанных с политической корректностью и борьбой за чистоту языка [22; 23].

Из-за коммуникативных неудач в политике в некоторой степени и из-за коммуникативной некомпетентности многих наших политиков в значительной степени (хотя это далеко не единственная причина) проблемы политики неожиданно становятся проблемами лингвистическими и культурными [12]. Неумение логично и доходчиво излагать свои мысли и откровенно неуклюжие попытки языкового манипулирования общественным сознанием, а часто и просто недостаток образования привели к явному падению общественного престижа некоторых групп политических деятелей. Мировой опыт свидетельствует также, что степень развития политического диалога показывает степень развития демократии в обществе. Демократия является не только совокупностью процедур и не только результатом их применения, но и диалогическим взаимодействием между различными политическими партиями, общественными движениями и даже отдельными людьми. Суть развитой системы политической коммуникации заключается в обеспечении возможностей для достижения общественного согласия.

Таким образом, речевые акты, используемые в политических дискуссиях, и правила публичной политики, освященные традицией и проверенные опытом, образуют **политический дискурс**. **Политический дискурс как совокупность дискурсивных практик**, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации, составляет **предмет политической лингвистики**. Под дискурсивной практикой понимаются тенденции в использовании близких по функции альтернативных языковых средств выражения определенного смысла. Эти тенденции, естественно, находят отражение в частоте употребления

соответствующих феноменов фонетико-интонационного, морфологического, синтаксического, семантического, функционально-стилистического и паралингвистического уровней. Так очень близким аналогом понятия дискурсивной практики в лингвистической поэтике можно считать понятие идиолекта писателя.

Отметим, что дискурсивные практики с лингвистической точки зрения характеризуются определенными языковыми средствами вариативной интерпретации действительности, используемыми политическим субъектом или свойственными для обсуждения данной темы политической коммуникации. В этом смысле можно говорить (и говорится) о таких предметах политической лингвистики, как «дискурс Рейгана», «дискурс Горбачева», «тоталитарный дискурс», «дискурс безопасности», «дискурс свободы и справедливости», «парламентский дискурс». Иными словами, дискурс Горбачева – это совокупность дискурсивных практик Горбачева, проявляющихся в его политических выступлениях, интервью и т.д. Тоталитарный дискурс – это совокупность дискурсивных практик, характерных для политического языка тоталитарного общества, а дискурс безопасности – совокупность дискурсивных практик, встречающихся в дискуссиях о безопасности государства и формирующих эти дискуссии как часть политического дискурса в целом. Наиболее известные примеры дискурсов, на основе которых развивалась политическая лингвистика и начали разрабатываться методики изучения политического языка – **дискурс Великой французской революции, политический язык «Третьего Рейха», русский политический язык советской эпохи (Lingua Sovietica).**

Поскольку теория речевого воздействия исследует механизмы вариативной интерпретации действительности не только в политическом языке, но и при функционировании языковой системы в любой сфере человеческой деятельности, то тем самым становится вполне очевидно, что она шире политической лингвистики и по постановке задач, и по предмету исследования. Однако теория речевого воздействия не исследует сочетания вариативных механизмов вариативной интерпретации действительности, частоту их употребления, т.е. сами дискурсивные практики. В этом отношении теория речевого воздействия уже политической лингвистики.

Наиболее значительны различия между теорией речевого воздействия и политической лингвистикой в сфере приложений. Основные области приложения политической лингвистики в политологии связаны с изучением политического мышления политиков по языковым данным и с реконструкцией и мониторингом состояния общественного сознания по текстам СМИ. К числу основных областей приложения теории речевого воздействия относится изучение средств и приемов речевого воздействия в политических рекламных текстах для осуществления контроля над характером влияния этого воздействия на сознание адресата. При таком подходе механизмы речевого воздействия целесообразно изучать на всех уровнях языковой системы, в том числе и на функционально-стилистическом уровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Баранов А.Н.** Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6.
2. **Баранов А.Н., Казакевич Е.Г.** Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991.
3. **Бирвиш М.** Насколько линейно упорядоченной является языковая обработка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988.
4. **Блакар Р.М.** Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987.
5. **Вайнрих Х.** Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; Общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987.
6. **Дейк Т.А. ван, Кинч В.** Макростратегии // Дейк Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
7. **Дейк Т.А. ван, Кинч В.** Стратегии понимания связного текста // Дейк Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
8. **Дейк Т.А. ван.** Эпизодические модели в обработке дискурса // Дейк Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
9. **Ермакова О.П.** Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996.
10. **Зильберт Б.А.** Языковая личность и «новояз» тоталитаризма // Языковая личность и семантика: Тез. докл. науч. конф. г. Волгоград, 28-30 сент. 1994. Волгоград: «Перемена», 1994.
11. **Какорина Е.В.** Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996.
12. Культура парламентской речи / Под ред. Е.Н. Ширяева. М.: Наука, 1994.
13. **Купина Н.А.** Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь: ЗУУНЦ, 1995.
14. **Левин Ю.И.** Семиотика советских лозунгов // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998.
15. Референции и проблемы текстообразования: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988.
16. **Реферовская Е.А.** Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1989.
17. Семантика и структура предложения и текста: Сб. ст. / Редкол.: А.К. Драганов (отв. ред.) и др. Грозный: Чеч.-Инг. гос. ун-т им. Л.Н. Толстого, 1981.
18. Семантико-стилистические исследования текста и предложения: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: З.Я. Тураева (отв. ред.) и др. Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1980.
19. Содержательные аспекты предложения и текста: Межвуз. темат. сб. / Редкол.: И.П. Сусов (отв. ред.) и др. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1983.

20. Текстобразующие потенции языковых единиц и категорий: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: Э.Е. Курлянд (отв. ред.) и др. Барнаул: Барнаул. гос. пед. ин-т, 1990.
21. **Bolinger D.** Language - the Loaded Weapon: the Use and Abuse of Language Today. London and New York: Longman, 1980.
22. **Cameron D.** Demythologizing Sociolinguistics: Why Language Does Not Reflect the Society // Ideologies of Language. London: Routledge, 1990.
23. **D'Sourza D.** Illiberal Education: The politics of Race and Sex on Campus. New York: Free Press, 1991.
24. **Hacker K.L.** Political Linguistic Discourse Analysis // The Theory and Practice of Political Communication Research. New York: State University of New York Press, 1996.
25. **Klemperer V.** LTI; Notizbuch eines Philologen. Berlin: Aufbau-Verlag, 1947.
26. **Seriot P.** Analyse du discours politique Sovietique. Paris: Institut d'Etudes slaves, 1985.

N.A. OSTROUSHKO

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Private Educational Institution of Higher Education

«Baltic Humanitarian Institute»,

St. Petersburg, Russia

DISCOURSE PLANNING. POLITICAL LINGUISTICS

Linguistics is a classical fundamental, as well as a modern multifaceted science, which has begun to explore the field of political language. Political linguistics deals with the planning of political discourse, which is necessary not only for politicians but also for the whole society for effective communication with the government.

The present article is devoted to the peculiarities of planning speech acts and speech influence in public politics, which has its own traditions and rules. Such speech acts form political discourse as a set of discursive practices of various politicians in the course of their public communication. This article will be very interesting and useful both for politicians and a wide range of readers.

This author has also conducted other linguistic studies in the field of the theory of speech influence (or pragmalinguistics) as a science. The author has analysed some political advertising texts of effective politicians, the peculiarities of the advertising substyle within the functional-speech variety of the publicistic style, and advertising as a genre in the course of pre-election discourse, or pre-election communicative situations.

Key words: political communication, political language, political linguistics, political discourse, discursive practices, speech influence, advertising texts.